

вѣстно, къ чему тогда привело-бы все это нашу многострадальную родину и насъ самихъ. — Но да не будетъ сего! Помогите православные христіане, усердно нынѣ Господу Богу Всемогущему и Милостивому, да оградить Онъ отъ всякихъ злоключеній и козней вражійхъ Благочестивѣйшаго нашего Государя, Самодержца всея Россіи, рожденіе котораго мы нынѣ празднуемъ, дарунъ Ему побѣды на всѣхъ враговъ нашего Отечества, — да хранитъ Творецъ и Промыслитель всего міра и насъ всѣхъ Своимъ милосердіемъ и да избавитъ Онъ насъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей и заблужденій, да управитъ Онъ всю жизнь нашу, и строй дорогое Отечества нашего русскаго по узкому и трудному пути, ведущему насъ во спасеніе, указанному намъ божественнымъ нашимъ учителемъ, и предупредившему насъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякій широкій путь, потворствующій нашимъ грѣшнымъ желаніямъ, обязательно поведетъ насъ къ гибели — и временной и вѣчной. Аминь. —

Священникъ *Авксентій Радкевичъ.*

Ренанъ и его «Жизнь Іисуса» *).

*«Цѣлованіемъ - ли предаешь
человѣческаго?» (Луки 22, 48).*

Годъ тому назадъ, какъ только вышелъ у насъ въ Россіи законъ о свободѣ печати, такъ тотчасъ же книжный рынокъ былъ наводненъ всевозможными книжками антихристіанскаго и революціоннаго содержанія.

Одною изъ такихъ книгъ и была между прочимъ Ренановская «Жизнь Іисуса».

Книжка издана съ небольшими собращеніями и въ такомъ видѣ и за такую ничтожную цѣну, что могла быть доступна самому широкому кругу читателей.

И, дѣйствительно, издатели нисколько не ошиблись въ своихъ расчетахъ. Книжку стали читать всѣ съ захватывающимъ интересомъ, начиная отъ образованныхъ и кончая полуграмотными. Ею стали восхищаться вполне искренно даже люди вѣрующіе, увлекаясь легкой и красивой формой, нисколько не подозревая скрытой въ ней грязи, направленной въ Лицо Божье.

*) Предлагаемая нами статья не является повтореніемъ статьи на ту же тему, напечатанной въ 31 № «Вол. Епарх. Вѣд.» 1906 года, а служить ея продолженіемъ и имѣетъ своей задачей болѣе обстоятельно познакомить читателей съ Ренаномъ и его «Жизнью Іисуса». Авторъ.

А люди невѣрующіе увидѣли въ книжкѣ Ренана свои собственные мысли, которыхъ раньше не было кому выразить, съ удивленіемъ восклицали: «да какъ это мы въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ не додумались до этого; вѣдь это наши собственные мысли, это—мы сами!»

Поэтому, намъ и хотѣлось бы, насколько хватитъ силъ, показать должный взглядъ на эту книжку, показать ее на цѣну. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что критика не будетъ какимъ нибудь научнымъ изслѣдованіемъ, такою она не можетъ быть, какъ потому, что предъ нами изданіе безъ всякаго научнаго обоснованія, такъ еще и потому, что если бы даже у насъ и было такое русское изданіе, мы бы увидѣли вмѣсто строгой, научной обоснованности самыя жалкія подпорки, разрушить которыя ничего не стоитъ чепуху, мало-мальски знакомому съ Евангеліемъ и евангельской исторіей.

Кажется, намъ не будетъ поставлено въ вину, если мы сдѣлдимъ постепенное развитіе внутренняго склада самого Ренана. Сдѣлать это мы считаемъ даже необходимымъ, потому что только послѣ того, какъ предъ нашими глазами ярко обрисованъ образъ Ренана, мы поймемъ многое въ его книгѣ. Поэтому мы прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о той средѣ, въ которой авторъ развивался и о томъ вліяніи, какое она могла на него оказать, а затѣмъ уже перейдемъ и къ разбору самой книги.

Дѣтство свое Ренанъ провелъ среди моря самыхъ оригинальныхъ суевѣрій, какія только можно было наблюдать въ молчаливомъ уголкѣ Франціи тогдашняго времени. Это была смѣсь языческихъ понятій съ христіанскими вѣрованіями. Для иллюстраціи здѣсь можно было бы привести нѣсколько примѣровъ такихъ суевѣрій, но такъ какъ они не имѣютъ для насъ важности, то за недостаткомъ времени мы ихъ и не приведемъ. Мать Ренана была женщина религіозная и въ высшей степени суевѣрная. Она не разъ ему рассказывала всевозможныя легендарныя исторіи съ церковнымъ содержаніемъ, которыя не могли по замѣчанію самого Ренана не развитъ въ немъ любви къ мифологіи. «Эта оригинальная среда даровала ему известное качество, необходимое при изученіи историческихъ наукъ. Я усваивалъ въ нѣкоторомъ родѣ умѣнье видѣть подъ звукомъ и улавливать звуки недоступныя для обыкновеннаго уха». Вотъ какою характеръ имѣли первыя впечатлѣнія дѣтства Ренана. Ими-то и объясняется тотъ фактъ, почему Ренанъ не

могъ иначе понять евангельской исторіи, какъ въ смыслъ бретонскихъ легендъ.

Первой школой Ренана была его родная семинарія въ Трегье. Школа эта была бы безукоризненна, если бы только часть учебная была поставлена на такой-же высотѣ, какъ и часть воспитательная. Но къ сожалѣнію въ заботахъ о нравственности воспитатели забыли науку. А извѣстно, что подобныя крайности чаще приносятъ вредъ, чѣмъ пользу. То же случилось и съ Ренаномъ.

Послѣ окончанія въ этой семинаріи Ренанъ думалъ быти идти въ священники, и можно съ увѣренностію сказать, что если бы воспитаніе его ограничилось только семинаріей въ Трегье, такъ онъ навѣрное не былъ бы тѣмъ, чѣмъ сталъ впоследствии.

Правда, уже и здѣсь Ренанъ не избѣжалъ вліянія антицерковнаго и даже антихристіанскаго. Такъ, на примѣръ, у него былъ здѣсь дядя—часовщикъ, котораго Ренанъ называлъ «вертерьянцемъ». Онъ приходилъ въ ужасъ при одной мысли, что Ренанъ когда-либо будетъ священникомъ и всегда съ презрѣніемъ называлъ его «осломъ, начиненнымъ латынью». Но за то, когда онъ услышалъ послѣ о первыхъ произведеніяхъ Ренана антицерковнаго направленія, то пришелъ въ неизъяснимый восторгъ. Былъ у него еще какой-то знакомый по имени «Система», которъ не разъ съ нимъ бесѣдовалъ и не могъ не обязать вліянія на разеніе его взглядовъ. «Его Богъ, по словамъ самого Ренана, былъ порядокъ вещей, скрытый разумъ. Онъ не выносилъ, когда отрицали этотъ разумъ. Онъ любилъ человечество, какъ представителя этого разума, и ненавидѣлъ суевѣріе, какъ отрицаніе его». Кромѣ этихъ двухъ лицъ и вся мужская половина его родныхъ была настроена не лучше, хотя открыто протеста не заявляла. Но все-таки антирелигіозное вліяніе въ этотъ періодъ было сравнительно слабѣе вліянія религіознаго.

Когда-же Ренанъ окончилъ родную семинарію и поступилъ въ Парижскую семинарію Св. Николая, тогда-то въ немъ и начался тотъ переломъ, который сообщилъ его взглядамъ совершенно иное направленіе и довелъ его до окончательнаго разрыва съ церковію.

Все, что въ семинаріи Трегье было въ загонѣ и считалось непозволительнымъ, здѣсь стало предметомъ постоянныхъ разсужденій и оживленныхъ споровъ. Предметомъ постоянныхъ разсужденій были Ламартицъ и Викторъ Гюго. Самъ настоятель семинаріи либеральный и легкомысленный аббатъ Дюпанлу при-

нивалъ въ ихъ бесѣдахъ самое дѣятельное участіе. Однимъ словомъ, здѣсь свободно вѣялъ духъ времени, который сталъ вѣять на Ренана постепенно, рѣшительно и глубоко. Здѣсь въ душу впервые запало сѣмя славолюбія, которое послѣ дало ростки. Вотъ его слова объ этомъ времени: «пока я не могъ спать: въ моей головѣ тѣснились образы изъ Ламартина. Я понялъ, что значить слава,—слава, которая не ясно стала предо мною еще подъ сводами родного дома въ Трегье. Предо мною открылась совершенно новая жизнь. Слова: талантъ, слава, извѣстность—становились теперь моему сознанію. Я погибалъ невозвратно для того скромнаго идеала, который внушали мнѣ мои прежніе наставники; я выплывалъ въ открытое море, гдѣ бушевали бури и стремительныя теченія вѣка. Было ясно, что эти теченія и бури унесутъ мою ладью къ далекимъ берегамъ, у которыхъ мои прежніе друзья могутъ представить меня лишь съ чувствомъ ужаса».

По этимъ словамъ Ренана легко судить о томъ, насколько сильно въ Парижѣ сдѣлался непохожъ на Ренана прежняго, т. е. поступленія въ семинарію св. Николая. Хотя нужно заметить, что даже въ это время внутренняя борьба между вѣрой и невѣріемъ еще не была окончена, такъ что, на примѣръ, въ индивидуальное время онъ опять отдавался у себя на родинѣ тѣмъ настроеніямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ своими первыми наставниками. Но разъ уже закралось въ душу сомнѣніе, развалинахъ храма невѣрія.

Такой толчекъ и былъ данъ семинаріей св. Сюзьниція, куда Ренанъ поступилъ послѣ семинаріи св. Николая. Семинарія была полной противоположностью семинаріи св. Николая. Школа эта была богословско-философская и отличалась всѣми крайностями и недостатками латинскихъ школъ того времени. Отчужденность воспитателей отъ воспитанниковъ была полная. «Въ Парижской семинаріи, по замѣчанію Ренана, можно было учиться въ продолженіе трехъ лѣтъ и ни разу не вступить въ какія-либо сношенія хотя бы съ однимъ изъ руководителей». Каждый воспитанникъ здѣсь былъ предоставленъ самому себѣ, такъ что просторъ для дѣятельности и бездѣлія былъ полный. Здѣсь Ренанъ сталъ увлекаться сочиненіями нѣмецкихъ философовъ рационалистовъ—Фихте, Шеллинга, Банта и Гердера, проглаты-

вая ихъ рѣшительно безъ всякаго руководства и системы и съ жаромъ набросился на сочиненія нѣмецкихъ богослововъ тюбингенцевъ—Баура, Штрауса, Гезе и др., которые вывели изъ его души послѣдніе остатки вѣры. И неудивительно послѣ этого, что къ концу своего обученія въ Парижской семинаріи Ренанъ остался и безъ Бога и безъ религіи.

Семинарія св. Николая своей полнѣйшей индифферентностью къ вопросамъ вѣры положила основаніе невѣрію Ренана, а семинарія св. Сюльпиція своей крайней схоластичностью не могла поддержать малаго остатка религіозности, бросила его на произволь судьбы, предоставила его руководству юнаго, увлекающагося разума, который и довелъ его до полного невѣрія и окончательнаго разрыва съ церковію.

Теперь мы спросимъ: какое же въ концѣ-концовъ получилось у Ренана міровоззрѣніе? Было ли оно вполне цѣльнымъ и законченнымъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ словами профессора Буткевича: «У Ренана никогда не было цѣльнаго и законченнаго міровоззрѣнія; у него происходилъ всегда лишь процессъ развитія такого міровоззрѣнія, борьба различныхъ противоположныхъ, другъ друга взаимно исключаящихъ элементовъ». Эта-то неустойчивость взглядовъ Ренана характерно отразилась на разныхъ изданіяхъ его книги, которыхъ было кажется 16. Они настолько разнятся одно отъ другого, что взявши, на примѣръ, одно изъ изданій первыхъ и сравнивши съ какимъ-нибудь послѣднимъ, можно подумать, что это—произведенія различныхъ авторовъ.

«Ренанъ не былъ ни научно-послѣдовательнымъ богословомъ, ни научно-послѣдовательнымъ философомъ. Богословомъ онъ не былъ потому, что если и изучалъ его, то только по верхушкѣ и о богословскихъ вопросахъ судилъ обыкновенно со словъ другихъ. А научно-послѣдовательнымъ философомъ не былъ по самому складу своего ума, болѣе способнаго создавать поэтическіе образы, чѣмъ отвлеченныя философскія понятія; даже чужія философскія системы онъ понималъ не иначе, какъ въ образахъ и фантазіяхъ, уловляя ихъ, смыслъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ (В. Ц. 1904 г.)».

Итакъ, когда мы вратко прослѣдили развитіе внутренняго склада Ренана, когда его фizioномія намъ уже нѣсколько знакома, постараемся въ общихъ чертахъ передать содержаніе «Жизни Иисуса».

и больше въ дѣйствительную жизнь и наконецъ въ ней погибаетъ. Рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Иисуса послужила встрѣча его съ Іоанномъ Крестителемъ.

Съ этого времени Иисусъ начинаетъ проповѣдывать о царствѣ дѣйствительномъ, небесномъ, имѣющемъ когда-то наступить.

Идея всецѣло Его теперь захватывающая это — нравственное возрожденіе человѣчества. Онъ дѣлается революціонеромъ, революціонеромъ нравственнымъ. Хотя пока еще не слышно ни о трубномъ звукѣ, ни о страшномъ судѣ. Къ несчастію, Имъ вскорѣ овладѣваетъ желаніе идти изъ Галилеи въ Іудею и напасть на іудейство въ самомъ его центрѣ. Но въ Іудеѣ Его ожидало полное разочарованіе. Здѣсь Ему пришлось имѣть дѣло не съ рыбаками, а со священниками, книжниками и фарисеями. Въ Іерусалимѣ Онъ затерялся со Своими учениками и не могъ произвести на толпу сильного впечатлѣнія. «Его поученія, обыкновенно полныя мягкости, принимаютъ видъ пламенныхъ диспутовъ и становятся безконечнымъ рядомъ схоластическихъ сраженій. Онъ истоцаетъ свой уравниженный геній въ производительномъ отыскиваніи доводовъ въ Законѣ и Пророкахъ» (125 стр.). Однимъ словомъ, по мнѣнію Ренана, Иисусъ велъ себя въ Іерусалимѣ слишкомъ рѣзко, выходилъ изъ Себя, дерзко обличалъ пороки іудейской іерархіи и этимъ заставилъ ихъ осудить его на смертную казнь.

Таково общее содержаніе этой книги.

Живое, художественное изложеніе ея не можетъ не произвести сильного впечатлѣнія на читателя. Но живость изложенія и изящество языка является единственнымъ достоинствомъ этой книги, которое придаетъ благовидную наружность полной пустотѣ и несостоятельности въ области религіи. «Ренанъ художникъ, но мелкій художникъ стила, а не душъ».

При объясненіи евангельской исторіи Ренанъ пользуется весьма страннымъ приемомъ: если какое-либо событіе въ жизни Иисуса служитъ исполненіемъ ветхозавѣтнаго пророчества о Мессіи, то этого и достаточно для Ренана, чтобы признать подобное событіе недѣйствительнымъ и евангельское повѣствованіе о немъ подложнымъ; другихъ доказательствъ и не требуется по мнѣнію нашего проицательнаго автора; или, если евангельское событіе не подходитъ подъ то понятіе, какое сложилось о немъ у автора, онъ его свободно отрицаетъ.

Евангельскія событія Ренанъ тасуетъ, какъ барты, и то, что было въ концѣ земной жизни Иисуса, онъ относитъ къ

начала ея. «Въ исторіяхъ подобнаго рода,—говорить онъ, главнымъ признакомъ обладанія истиной служить то, насколько намъ удастся скомбинировать тексты такъ, чтобы изъ нихъ получился логически связный и правдоподобный рассказъ, въ которомъ не было бы ничего фальшиваго. Но нужно признаться, что тексты бываютъ иногда не послушны и не поддаются сами собой такой комбинаціи. Тогда писатель долженъ слѣдовать инстинкту прекраснаго и заставить тексты претерпѣвать нѣкоторое пріятное и легкое принужденіе, которое бы приводило ихъ къ взаимному согласію». Тексты нуждаются «въ толкованіи по зусу, ихъ нужно осторожно допрашивать, пока намъ не удастся сблизить ихъ и образовать изъ нихъ одно цѣлое, въ которомъ счастливо сливаются всѣ данныя».

Однимъ словомъ, Ренанъ рѣшился обращаться съ евангеліемъ такъ произвольно, какъ никто до него не обращался и какъ могъ обращаться только истый французъ.

Книжка его полна предположеній рѣшительно ни на чемъ не основанныхъ. Неосновательность своихъ предположеній Ренанъ часто самъ сознавалъ. Отсюда его неувѣренность въ тонѣ. По кропотливому подсчету нѣмецкихъ критиковъ, въ его книгѣ на 459 страницахъ слова: «вѣроятно», «миѣ кажется», «я думаю» и др. встрѣчаются до 723 разъ.

Часто мы будемъ наталкиваться въ его книгѣ на предвѣренныя недомолвки, на странныя выраженія, смыслъ которыхъ не только читателю не понятенъ, но, вѣроятно, и самому автору, на противорѣчія, не только скрытыя, но и явныя. Такъ, напр. на страницѣ 53 мы читаемъ: «Иисусъ не спиритуалистъ; у него все достигаетъ осязательной реализаціи», а далѣе, на стр. 73 находимъ, что «онъ положилъ начало высокому спиритуализму» и, наконецъ, на стр. 89 говоритъ: «его абсолютный спиритуализмъ и сложившіяся убѣжденія, что старый міръ долженъ погибнуть, дѣлали его воспріимчивымъ лишь къ движеніямъ сердца». Итакъ, по Ренану, Христосъ и спиритуалистъ и неспиритуалистъ.

Теперь мы приступимъ къ разбору самой книги и начнемъ его съ довольно оригинальнаго предисловія къ послѣднему изданію. Въ немъ авторъ прежде всего высказываетъ побужденіе, по которому онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ сокращенному изданію своей книги. «Многіе сожалѣли,—говорить онъ,—что книга объ Иисусѣ своей цѣной и объемомъ не была доступна для всѣхъ,— поэтому я пожертвовалъ введеніемъ, выносками и нѣкоторыми

мѣстами текста, предназначенными для читателей, достаточно знакомых со специальными критическими исследованиями (6 стр.).

Итакъ, разница новаго изданія съ прежнимъ не въ существѣ дѣла, а въ формѣ его, въ объемѣ. «Это—новая книга,—говоритъ Ренанъ. «Это «Жизнь Иисуса», освободившая отъ своихъ надстроекъ и своихъ темнотъ» (7 стр.). Отнявъ обширную пристройку, предварявшую сочиненіе въ введении (посвященнаго критическому разбору источниковъ сочиненія), уничтоживъ «нижній этажъ» со всѣмъ фундаментомъ научной эрудиціи, Ренанъ не оставилъ въ прежнемъ видѣ и перегородокъ, «строенія» — главъ: первую («положеніе Иисуса въ мірѣ»), 25-ю («Иисусъ во гробѣ») и 26-ю («Судьба враговъ Иисуса») главы онъ совсѣмъ выпустилъ; 16 ю («Чудеса») онъ сокративъ, соединилъ съ 15 главой подъ однимъ заглавіемъ «Идеи Иисуса о царствѣ Божіемъ въ окончательной формѣ». Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 27 главъ въ новомъ «ларномъ» изданіи ихъ только 23. Въ чемъ же выиграло оно съ опущеніемъ всѣхъ этихъ «темнотъ»? Съ виѣшней стороны—въ изяществѣ, легкости и игривости стили; съ внутренней—въ просторѣ, въ свободѣ движенія фантазіи, гуляющей по страницамъ книги, какъ вольный вѣтеръ по открытымъ полямъ. Послушаемъ, однако, какъ самъ Ренанъ объясняетъ цѣль своихъ сокращеній». Благодаря пропуску этихъ частей, было достигнуто три цѣли. Во-первыхъ, книга оказалась такою значительною по объему, что всякій желающій легко можетъ ее усвоить. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что въ ней нѣтъ ни одного слова, ни одной фразы, требующихъ, для того, чтобы быть понятымъ, предварительнаго изученія. Наконецъ, этимъ сокращеніемъ достигъ результата, который для меня не менѣе дорогъ. Я написалъ свою книгу съ абсолютной холодностью историка, задаваясь единственной цѣлью выяснить самые тонкіе и самые непреложные отѣнки истины. Эта прямота не могла не причинить нѣкоторой досады многимъ прекраснымъ людямъ, которые находятъ въ христіанствѣ поддержку и утѣшеніе. Не разъ я съ сожалѣніемъ видѣлъ, какъ люди, въ глазахъ которыхъ я желалъ бы заслужить расположеніе, уклоняются отъ чтенія книги, многія страницы которой послужили бы къ ихъ пользѣ и доставили бы удовольствіе. Думаю, что въ этомъ собранномъ изданіи истинные христіане не найдутъ ничего, чтобы ихъ отталкивало. Не измѣняя чего бы то ни было въ своей руководящей мысли, я нашелъ возможнымъ устранить нѣкоторые отрывки,

которые могли бы породить недоразумѣнія или требовать
лишнихъ объясненій.

Исторія—такая же наука, какъ химія или геологія. Чтобы
быть вполне понятной, она требуетъ глубокаго изученія, и
самый высокій результатъ этого изученія—есть умѣніе находить
различіе между эпохами, странами, націями и расами. Въ наше
время человѣкъ, который вѣритъ въ привидѣнія или чародѣйство,
не можетъ считаться человѣкомъ развитымъ. Но въ прежнія
времена люди, всѣми уважаемые, вѣрили во все это, и очень
вероятно, что и въ наши дни, въ нѣкоторыхъ странахъ по-
добныя заблужденія совмѣщаются съ истиннымъ превосходствомъ
ума. Люди, мало путешествовавшіе, мало занимавшіеся чтеніемъ
или не отличающіеся глубиною ума и вслѣдствіе этого не уя-
вившіе себя этихъ различій, часто находятъ нѣчто оскорби-
тельное въ разсказахъ о прошломъ. Прошлое, какъ бы героично,
велико и оригинально оно ни было, во многихъ очень важныхъ
отношеніяхъ не раздѣляло нашихъ идей. Но исторія не можетъ
отступать передъ этими затрудненіями, не рискуя при этомъ
власть въ весьма тяжкія заблужденія. Научная искренность не
допускаетъ благоразумной лжи. Нѣтъ въ мірѣ повода, достаточно
сильнаго, чтобы заставить ученаго стѣсняться въ выраженіи
того, что онъ считаетъ истиной» (7 стр.).

«На колѣни! или по меньшей мѣрѣ—шанки долой!»
скажешь невольно словами Гейне. Ренанъ-академикъ говоритъ
объ академикѣ-Ренанѣ. Драпируясь въ тогу научнаго историче-
скаго безпристрастія, авторъ почтительно раскланивается съ
самимъ собой, находя извиненіе себѣ у себя самого. Откла-
дываясь предъ современными «всѣми уважаемыми» людьми,
легонько пожуривъ и снисходительно потренивавъ по плечу этихъ
старовѣровъ, «совмѣщающихъ съ истиннымъ превосходствомъ
ума» старинныя заблужденія. По пути къ мостику, перекиды-
ваемому Ренаномъ отъ своего прежняго изданія «Жизни Іисуса»
къ новому, авторъ только намекаетъ читателю о своихъ путе-
шествіяхъ по востоку, импонируетъ ему большою начитанностью,
глубиною ума, научною искренностью» и т. п. Такъ занимая
читателя, онъ незамѣтно подводитъ его къ мостику. Теперь—
внимательнѣе, читатель! Хорошенько всмотри въ устои его,
прежде чѣмъ довериться своему много путешествовавшему
возвѣду» («Ц. О. Ж.» 1906 г. № 44).

Сейчасъ онъ насъ болѣе обстоятельно познакомитъ съ
своимъ научно историческимъ приѣмомъ. «Когда-то, что счита-

ется вѣрнымъ, возможнымъ или допустимымъ, уже высказана, безъ всякой задней мысли, не позволительно-ли тогда, оставивъ тонкія различія, обратить вниманіе единственно на сущность великихъ дѣлъ, которыя всякій долженъ и можетъ понять? Въ правѣ-ли рассказчикъ сгладить диссонансы и думать только о поэтическихъ образахъ, которыми такъ полны эти древніе рассказы» (7 стр.). Вотъ вамъ и сущность! Въмѣсто историческаго рассказчика и поэтическіе образы вмѣсто сущности.

Вся жизнь Іисуса дѣлится Ренаномъ, какъ мы уже говорили, на два періода.

Первый періодъ жизни Іисуса онъ наполняетъ такими фактами, которые или имѣли мѣсто послѣ вступленія Іисуса Христа въ общественное служеніе, или которыхъ совсѣмъ не было. Не быть можетъ авторъ имѣлъ какія либо данныя такъ поступать? Рѣшительно никакихъ. Все, что намъ извѣстно о жизни Спасителя до общественнаго служенія, находится въ Евангелии. Другія предположенія объ этомъ періодѣ произвольны и ничѣмъ не основаны. Такъ, въ первой главѣ онъ говоритъ: «Іисусъ имѣлъ братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ онъ, вѣроятно, былъ старшій. Всѣ они остались неизвѣстными». (13). Если братья и сестры Іисуса Христа остались неизвѣстными для насъ, то въ чему же дѣлать предположенія о томъ, что они были. Нашъ законъ не представлялъ для него большой привлекательности, онъ думалъ, что могъ бы лучше составить (18). Интересно знать, кто сообщилъ Ренану о такихъ мысляхъ Христа? Предположенія относительно мысли героя какого-нибудь французскаго романа, пожалуй, умѣтны, но только не Христа. Да и самъ авторъ себѣ же противорѣчитъ далѣе, говоря: «какія были мысли Іисуса въ этотъ темный періодъ жизни, — этого никто не знаетъ» (32).

Затѣмъ, такъ какъ Ренанъ хотѣлъ выставить Іоанна Крестителя однимъ изъ первыхъ учителей Іисуса, то ему и необходимо было утверждать, что «Іоаннъ вовсе не преклонялся предъ Іисусомъ, напротивъ Іисусъ, во все время пребыванія своего около него, признавалъ его выше себя и свой геній проявлялъ весьма робко» (44). На какомъ основаніи авторъ дѣлаетъ такое предположеніе, онъ этого не говоритъ. Между тѣмъ какъ въ Евангелии Матѳея, которому Ренанъ больше всего довѣряетъ, ясно говорится, что когда Іисусъ пришелъ на Іорданъ бреститься отъ Іоанна, онъ удерживалъ Его и говорилъ: «миѣ надобно бреститься отъ Тебя, и Ты-ли приходишь ко миѣ?» (Мѳ. 3, 14). На это Іисусъ сказалъ: «оставь. Такъ надлежитъ». И лишь тогда, когда Іисусъ, узнавъ о смерти Іоанна, Онъ, по миѣнью

«говорить объ Іоаннѣ не иначе, какъ болѣе и болѣе вознося его» (84). Между тѣмъ какъ, по Евангелію Матѳея, когда пришли ко Христу двое изъ учениковъ Іоанновыхъ, Іисусъ сказалъ имъ объ Іоаннѣ слѣдующее: «онъ тотъ, о которомъ написано: Я посылаю Ангела Моего предъ лицомъ Твоимъ, который уготовитъ путь Твой предъ Тобою. Истинно говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами не возставалъ болѣе Іоанна Крестителя» (Мѳ. 11; 10, 1).

О томъ, что Христосъ былъ врагомъ іерархіи и обрядности; Іоаннъ упоминаетъ очень часто и съ чрезвычайной настойчивостью. На страницѣ 35 онъ говоритъ, что Іисусъ проповѣдовалъ «вѣру чистую, религію безъ священниковъ и внѣшнихъ обрядовъ» или «никто не былъ менѣе священниковъ, чѣмъ болѣе враждебнымъ къ внѣшнимъ формамъ, только религію подъ предлогомъ ея защиты» (37). И ни о другихъ мѣстъ въ такомъ же родѣ.

Конечно, Христосъ не могъ похвалить церковную власть того времени, потому что, если только іудейская іерархія могла быть болѣе изолгавшейся, лицемерной и жестокой, когда они, желая это во время земной жизни Іисуса Христа, когда они, желая сохранить за собой власть, съ одной стороны, льстили и ухаживали предъ римскими властями, а съ другой — потакали порокамъ народа. Но даже и при такой нравственности тогдашняго іудейскаго священства Христосъ все-таки считалъ необходимымъ выполнять въ отношеніи къ нимъ все установленное закономъ Моисеевымъ. Такъ, когда Онъ исцѣлилъ прокаженныхъ, сказалъ имъ, чтобы они шли и показались священнику, или, когда исцѣлилъ одного прокаженнаго, сказалъ идти и показаться священнику. Въ концѣ жизни Христосъ говоритъ: «Все, что велятъ соблюдать книжники и фарисеи, — соблюдайте и дѣлайте, только по заповѣдямъ ихъ не поступайте. Вы оставили милость и вѣру, — и держите десятину съ мяты и аниса: сіе надлежало дѣлать и онаго оставяте» (Матѳ. XXIII, 3, 23). ... Храмъ святъ... жер-твенникъ святъ и освящаетъ»... (—23, 18, 19).

Итакъ, мнѣніе Ренана о томъ, что Христосъ особенно воювалъ противъ священства и обрядовъ и даже совершенно отрицалъ ихъ, нужно признать неосновательнымъ и ложнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ пророчества, какъ и изъ чуда, сдѣлали тоже ложное апологетическое употребленіе. Задача его — не въ томъ, чтобы пробуждать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ вѣру въ Откровеніе, которое уже осуществилось въ исторіи. Оно есть средство входить въ исторію послѣдующіе органы божественнаго Откровенія, — пробуждать въ ихъ сознаніи чувство ихъ призванія, какъ участниковъ въ драмѣ божественнаго руководства рода человеческого.

Таковы вкратцѣ мысли знаменитаго нѣмецкаго богослова (Rothe) объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ, самыхъ спорныхъ предметовъ современной богословской науки. Мысли эти отвѣчаютъ законнымъ требованіямъ знанія, охраняя въ тоже время истинные интересы религіи. Онѣ удовлетворяютъ духовныя нужды тѣхъ, которые хотятъ остаться христіанами, не отказываясь въ правахъ на существованіе — законной работѣ критическаго ума. На скользкой и опасной почвѣ труднѣйшихъ религіозныхъ проблемъ нашъ богословъ сумѣлъ проложить увѣренной рукой путь для современной апологетики, по которому она должна неуклонно идти, если не желаетъ увлечься на ложную дорогу.

Е. Ненадкевичъ.

Ренанъ и его «Жизнь Іисуса».

«Цѣлованіемъ - ли предаешь
человѣческаго?» (Луки 22, 48).

(Окончаніе).

Отрицая всякую обрядность и священство, «Иисусъ, по мнѣнію Ренана, не выказывалъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ аскетизма» (36). «Выказывалъ» или не «выказывалъ» Іисусъ какіе-либо признаки аскетизма до общественаго служенія, — объ этомъ мы достовѣрно ничего не знаемъ, какъ не можемъ знать объ этомъ ничего и многосвѣдущій нашъ авторъ, а что Іисусъ Христосъ не только выказывалъ, но и настаивалъ на необходимости подвиговъ аскетизма, это Онъ весьма ясно засвидѣтельствовалъ собственнымъ примѣромъ и слѣдующими словами, обращенными къ Своимъ ученикамъ послѣ исцѣленія блѣснаго: «Сей родъ (т. е. родъ блѣсовскій) изгоняется только молитвою и постомъ» (Матѣ. XVII, 21); это значитъ, что борьба со страстями можетъ быть усиленной только при подвигахъ поста и молитвы.

Участіе извѣстной личности въ невинномъ обманѣ, по мнѣнію Ренана, не налагаетъ пятна на ея нравственный обликъ. «Названіе Іисуса Христа «Сыномъ Давидовымъ» особенно вра-

Ему», хотя Онъ въ то-же время отлично «зналъ, что Онъ не Сынъ Давидовъ и нѣсколько смущался этимъ названіемъ, но въ то-же время благосклонно и съ радостью принималъ» (55 стр.). Но, если Иисусъ позволяетъ называть Себя Давидовымъ безъ всякаго протеста и даже съ удовольствіемъ, хотя Онъ Самъ будто бы знаетъ, что Онъ не Сынъ Давида, развѣ этимъ уже Онъ не стоитъ на границѣ обмана? Иисусъ, какъ увѣряетъ Ренанъ, прибѣгаетъ иногда къ нечестивой хитрости, напр., рассказывая Своимъ ученикамъ о различныхъ событіяхъ изъ ихъ жизни, о которыхъ Онъ освѣдочился естественнымъ образомъ, представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы Онъ узналъ обо всемъ этимъ путемъ сверхъестественнымъ; какъ назвать подобную хитрость въ обществѣ честныхъ людей? Развѣ это не обманъ?

Читаемъ дальше: «Онъ предпочиталъ названіе «Сынъ человеческій», названіе, повидимому, вполне скромное, но которое въ прямой связи съ ожиданіемъ Мессіи. Говоря о себѣ, онъ всегда употреблялъ это выраженіе, и въ его устахъ «Сынъ человеческій» было синонимомъ мѣстоимѣнія «Я», которое онъ употреблялъ» (55 стр.).

Полагаясь на наивность читателей, Ренанъ допускаетъ такую грубую ложь, какую не могъ бы никогда допустить добросовѣстный ученый, какимъ хотѣлъ себя выставить авторъ. Кто не знаетъ, что въ прощальной бесѣдѣ Спасителя съ учениками и въ первосвященнической молитвѣ Его къ Небесному Отцу, на протяженіи четырехъ главъ употреблено исключительное мѣстоимѣніе «я». Или кому неизвѣстна нагорная бесѣда, гдѣ выраженіемъ: «А Я говорю вамъ» начинается шесть стиховъ. Если-же мы сдѣлаемъ точную справку съ евангельскимъ текстомъ, то результаты будутъ далеко не въ пользу Ренана. Такъ въ Евангеліи Матѳея выраженіе «Сынъ человеческій» употреблено 32 раза; Марка — 15 разъ; Луки — 24 раза и Іоанна — 10 разъ; а всего — 81 разъ. Между тѣмъ, какъ мѣстоимѣніе «я», которое, по словамъ Ренана, Иисусъ старался избѣгать, употреблено имъ въ Евангеліяхъ: Матѳея 45 р.; Марка 18 р.; Луки 35 р.; Іоанна 222 р.; а всего — 320 разъ. Если присоединить сюда употребленіе личнаго мѣстоимѣнія въ косвенныхъ падежахъ, то въ общей сложности получится 708 разъ; а выраженіе «Сынъ человеческій», которое, по Ренану, Иисусъ всегда употреблялъ, встрѣчается въ четвероевангеліи, во всѣхъ падежахъ, всего только 81 разъ. Вотъ вамъ и ренановское «всегда!» Ему хотѣлось здѣсь отгнать ту мысль, что Христосъ

названіемъ «Сынъ человѣческій» старался поддержать въ народѣ убѣжденіе, что Онъ есть Мессія, поэтому авторъ и солгалъ. О Божествѣ Іисуса Ренанъ говоритъ такъ: «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Іисусъ никогда не думалъ выдавать себя за воиощеніе Бога. Подобная мысль была совершенно чужда еврейскому уму; въ трехъ первыхъ евангеліяхъ не имѣемъ ни какихъ слѣдовъ этой идеи; ее можно найти лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евангелія Іоанна, которыя не могутъ быть соотнесены отголоскомъ мыслей Іисуса» (102 стр.).

Ослѣпленный одною цѣлью — разрушить все божественное и сверхъестественное — Ренанъ не обратилъ вниманія на свидѣтельство о Богосыновствѣ Іисуса у евангелиста Матѳея. Тамъ очень ясно сказано, что, когда Петръ на вопросъ Христа, кого считаетъ Его народъ, исповѣдалъ Его «Христомъ Сыномъ Божіимъ», Іисусъ Господь сказалъ: «это тебѣ открылъ Отецъ» (Мѳ. XVI гл.). Въ другой разъ Іисусъ засвидѣтельствовалъ Божество на судѣ у первосвященника, когда, на вопросъ послѣдняго: «Ты ли Христосъ Сынъ Божій?» отвѣтилъ: «Да», и прибавилъ, что отнынѣ Его увидятъ на облакахъ на правой сторонѣ Силь (Саваоѳа)... И первосвященникъ понялъ, что Онъ богохульствуетъ. Онъ повиненъ смерти, потому что признаетъ Себя Богомъ (Мѳ. XXVI гл.).

Нельзя оставить безъ вниманія замѣчанія Ренана, что Іисусъ въ теченіе перваго періода своей дѣятельности никогда не обращался къ Своимъ слушателямъ со строгимъ увѣщаніемъ. Уже въ Галилеѣ Онъ заповѣдуетъ Своимъ ученикамъ вырвать обою и отсѣчь руку, если только они будутъ орудіями грѣха. Нагорная бесѣда, открывшая предполагаемую нашимъ авторомъ индивидуальную жизнь Іисуса перваго періода, начинается такими знаменательными и серьезными словами: «блаженны нищие духомъ, блаженны плачущіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды». Блаженство обѣтованно и тѣмъ, которыхъ поносятъ и злословятъ и гонятъ за Христа; такимъ образомъ начинается такъ сказать самое начало своей проповѣди Христосъ даетъ понять о Своемъ высокомъ, несравненномъ достоинствѣ и о кровавыхъ гоненіяхъ ожидающихъ Его послѣдователей. Не является-ли Онъ во всемъ полномочіи Божественнаго авторитета, когда, дополняя постановленія ветхозавѣтнаго закона, прямо говоритъ: «вы слышали, что сказано древнимъ... а Я говорю вамъ...» Такъ начиналъ дѣятельность Свою Галилейскій Учитель, и, конечно, довольно чтобы доказать несостоятельность гипотезы автора.

Отвергнувши Божество Иисуса Христа, Ренанъ конечно от-
вернулъ и чудеса Его. Къ сожалѣнiю, въ настоящемъ изданiи
спеціальная глава о чудесахъ опущена и только въ немногихъ
мѣстахъ есть нѣсколько замѣчанiй, которыя все-таки даютъ
намъ возможность установить взглядъ Ренана на этотъ предметъ.
По его мнѣнiю, «Иисусъ только мнилъ Себя всемогущимъ, не
будучи на самомъ дѣлѣ таковымъ; Онъ только воображалъ, что
творить чудеса». Единственное основанiе, по которому авторъ
не можетъ принять чуда—это то, что «евангелiя отчасти суть
те же легенды; это очевидно изъ того, что они полны чудесъ и
сверхъестественности». «Значить изъ того, что факты еван-
гельскiе отличаются характеромъ сверхъестественности слѣдуетъ,
по Ренану, что они баснословны и что исторiя не должна
обращать на нихъ вниманiя. «Прежде, чѣмъ разить такъ съ
мечомъ по вопросу о сверхъестественности, автору слѣдовало бы,
кажется, доказать, что сверхъестественное не можетъ сущест-
вовать, что Богъ не существуетъ, или что Онъ не можетъ
дѣйствовать на мiръ. Но онъ не удостоиваетъ сни-
зидеть до такихъ мелочныхъ вопросовъ. Онъ самовластно рѣ-
шаетъ, что сверхъестественное невозможно и что чуть только
фактъ оказывается чудеснымъ, его надо считать баснею или
легендой» (Гэтэ).

Нигдѣ Ренанъ не чувствуетъ себя настолько слабымъ, какъ
при отрицанiи чудесъ, поэтому иногда даже старается умал-
чить о нихъ. Передавая, напримѣръ, евангельское повѣство-
ванiе о томъ, что нищiй Вартимей, при выходѣ Иисуса изъ Je-
рихона, называлъ Его «Сыномъ Давидовымъ», что, по мнѣнiю
автора, очень поправилось Иисусу, Ренанъ въ то-же время умал-
чиваетъ о томъ, что этотъ нищiй былъ слѣпой и Иисусъ исцѣлилъ
его.

«Почти всѣ чудеса, которыя Самъ Иисусъ считалъ Имъ
сдѣланными, были чудеса исцѣленiя» (105 стр.). Неправда,
иного было совершенно чудесъ Иисусомъ Христомъ, которыхъ подъ
эту категорiю подвести нельзя: насыщенiе, напримѣръ, пятью
хлѣбами одинъ разъ пять, а другой разъ семь тысячъ мужчинъ,
не считая женщинъ и дѣтей, хожденiе по водамъ, укрощенiе
бури на морѣ, преображенiе и, наконецъ, самое неопровержимое
изъ чудесъ это—воскрешенiе четверодневнаго, уже смердящаго
Лазаря.

Последнее чудо Ренанъ пытался объяснить довольно наивно
и пошло. «Случилось что-то такое, что приняли за воскрешенiе.
Вифанское семейство могло быть вовлечено, само того не подо-

зрѣвая, въ участіе въ желаемомъ дѣлѣ. Повидимому, Лазарь былъ боленъ. Радость о приходѣ Іисуса могла возвратить Лазарю жизнь (?!). Моментъ быть также горячее желаніе зажать ротъ тѣмъ, которые обидно отвергали Божественное посланничество ихъ друга, завлекло этихъ странныхъ особъ за предѣлы умѣренности. Можетъ быть, Лазарь, еще блѣдный отъ болѣзни, велѣлъ новить себя обвязками, какъ покойника, и положить въ своей семейной гробницѣ. Іисусъ, подведенный къ гробницѣ Лазаря, думалъ, что другъ Его умеръ. Волненіе, Имъ овладѣвшее, могло быть принято за то тревожное состояніе, которымъ сопровождались чудотворенія. Въ такомъ предположеніи Іисусъ захотѣлъ еще разъ посмотрѣть на того, кого Онъ такъ любилъ, и, когда отвалили камень отъ гробницы, Лазарь вышелъ въ обвязкахъ какъ покойникъ. Это его появленіе должноствовало естественно быть принятымъ за воскресеніе». «Здѣсь, что ни слово, то перлы. Предположеніе нанизывается на предположеніе и въ концѣ концовъ получается что-то вродѣ безсознательнаго умысла. И какъ думать объ участникахъ этой недостойной комедіи? Гдѣ справедливо замѣчаетъ: «Все сводится къ тому, что Лазарь, обвѣсивъ его сестры, а съ ними Іисусъ просто морочили, а всѣ видѣвшіе чудо были дураки».

«Но куда дѣлись слова сестры покойника: «Онъ уже разлагается».

Четыре дня прошло послѣ смерти и начиналось уже разложеніе трупа... вотъ фактъ, который нужно было такъ или иначе «уничтожить» Ренану. Какъ же онъ его уничтожаетъ? А просто онъ о немъ забылъ, конечно, намѣренно» (А. Михайль, Евангелизмѣщанъ. С. П. Б. 1906 г. 55 стр.).

Впослѣдствіи Ренанъ отказался отъ такого наивнаго объясненія величайшаго изъ чудесъ и призналъ его не научнымъ. Въ послѣднихъ изданіяхъ его книги оно уже опущено.

«Однимъ изъ самыхъ частыхъ чудесъ Іисуса было изгнаніе бѣсовъ. Существовало всеобщее убѣжденіе, не только въ Іудеѣ, но въ цѣломъ мірѣ, что бѣсы овладѣваютъ тѣломъ въ которыхъ людей и заставляютъ ихъ поступать противъ своей воли. Эпилепсія, душевныя и нервныя болѣзни, въ которыхъ большая часть какъ-бы не владѣетъ собой, разныя страданія, причина которыхъ невидима, какъ на примѣръ, глухота, нѣмота, объяснялись только этимъ способомъ. Въ Іудеѣ въ то время было много помѣшанныхъ, вѣроятно, вслѣдствіе чрезвычайно экзальтированныхъ состоянія умовъ. Эти помѣшанные, живя въ пещерахъ (предназначенныхъ для погребенія, но покинутыхъ), обыкновенномъ убѣ-

праздношатающихся, могли свободно всюду блуждать, какъ принято и нынѣ въ тѣхъ странахъ. Иисусъ имѣлъ большое влияние на этихъ несчастныхъ. По поводу ихъ исцѣлений разсказывалось множество странныхъ исторій, въ которыхъ ясно выдѣляется все легковѣріе того времени. Но здѣсь тоже не слѣдуетъ преувеличивать трудностей. Разстройства, которыя называются бѣсноватостью, были часто довольно легкими. Въ наше время, въ Сиріи, людей, у которыхъ имѣются нѣкоторыя странности, тоже считаютъ сумасшедшими или одержимыми бѣсомъ. Часто ласковаго слова достаточно, чтобы изгнать въ такихъ случаяхъ бѣса. (106 стр.).

Желая объяснить все сверхъестественное естественнымъ образомъ, Ренанъ доходитъ до абсурда. Ну, что общаго, скажемъ вы мнѣ, между легкой разстроенностью нервовъ и тѣмъ состояніемъ бѣсноватыхъ, которыхъ исцѣлялъ Спаситель? Почему въ наше время мы не видимъ подобнаго исцѣленія сумасшедшихъ, не смотря иногда на самое ласковое съ нимъ обращеніе.

Оставляя въ сторонѣ всѣ мелочи и частности, мы наконецъ переходимъ къ величайшему моменту земной жизни Іисуса—къ Голгоѣ. Изображеніе Ренаномъ Христа въ эти великія минуты, нельзя больше разоблачаютъ предъ нами низкую душу автора и отношеніе романиста къ такому великому моменту жизни Спасителя.

«Сантиментальный буржуа, говоритъ А. Михайль, подошелъ къ Великому Божественному и трагическому образу. Что могъ сказать онъ въ лицѣ Голгоѣзкаго Страдальца? Что могъ сказать онъ дивный заключительный аккордъ Его искупительной дѣятельности?.. Ничего... У него не было никакого средства съ помощью которой бы онъ могъ понять ее, онъ долженъ былъ списать съ него изъ сантиментальнаго дневника сестры!» (А. Михайль, «Евангелие мѣщанъ» 22 стр.). Прочитавши 138-ю страницу, вы возмущаетесь изображеніемъ Христа въ такой великій моментъ въ такомъ жалкомъ свѣтѣ.

Иисусъ отошелъ на небольшое растояніе отъ своихъ учениковъ, взявъ съ собою только Кифу и двухъ сыновъ Зеведея и молился, павъ лицомъ на землю. Душа его боролась смертельно, и страшная борьба происходила въ немъ, и подчиненіе волѣ Божіей превозмогло. Съ увѣренностью можно сказать, что въ теченіе этихъ послѣднихъ дней страшная тяжесть принятой Іисусомъ на себя миссіи казалась ему невыносимой. Человѣческая природа проснулась на мгновеніе. Можетъ

быть, онъ уже началъ сомнѣваться въ своемъ дѣлѣ. Имъ овла-
дѣли ужасъ и раздумье и довели до томленія, худшаго, чѣмъ
смерть. Человѣкъ, принесшій въ жертву великой идеѣ спо-
койствіе и законныя радости жизни, всегда испытываетъ внача-
льные минуты сожалѣнія, когда картина смерти въ первый
разъ предстанетъ предъ нимъ и покажетъ тщету всего. Оче-
видно, что нѣкоторыя трогательныя воспоминанія, сохранившіяся
у самыхъ сильныхъ душъ и временами пронзающія имъ сердце,
какъ мечомъ, пришли ему на умъ въ эту минуту. *Вспомни-
лись-ли ему свѣтлые источники Галилеи, гдѣ бы онъ могъ
освѣжиться; виноградные кусты или смоковницы, подѣ которыми
рыбы могъ бы съестъ для отдыха; молодья дѣвушки, которыя
можетъ быть, согласились бы его полюбить? Проклинали-ли
онъ свою суровую судьбу, которая отнимала отъ него все ра-
дости, дозволенныя другимъ? Скорбѣли-ли о томъ, что, въ
дившись со слишкомъ возвышенной душой, сталъ жертвой своей
величія, и плакали-ли, что не остался простымъ плотникомъ
изъ Назарета? Этого мы не знаемъ.*

«А вотъ Онъ, Голгоѣскій страдалецъ, изнемогая, несетъ крестъ
Голгоѣ Своей крестъ. На чемъ теперь сосредоточена мысль
біографа, Ренана? Около жены Пилата; наблюдаетъ за тѣмъ, что
она любитъ изъ окна граціознымъ ликомъ юнаго галилеянина.
Онъ идетъ за ней въ ея спальню, подслушиваетъ ея грѣшныя
шепеля. Она во снѣ видѣла того юнаго красавца и вотъ на утро засту-
пается за него передъ мужемъ.»

Что могла сказать Голгоѣа человѣку такого склада мыслей
и чувствъ? А здѣсь онъ стоялъ передъ самымъ главнымъ въ исторіи
Христа... Въ Голгоѣе Евангеліе не мыслимо, потому что въ
идея Христова дѣла дана здѣсь и только здѣсь выразился весь
и ярко Его образъ.

На Голгоѣѣ раскрыта идея Христіанской любви, только не
той любви, какая казалась идеаломъ Ренану—въ видѣ какой-то
то расплывчатого и піэтического чувства жалости и нѣжности.
Нѣтъ, Голгоѣа была даже проповѣдью *противъ* такой любви.
Голгоѣа явила міру новое откровеніе о томъ, что человекъ
есть то, «что нужно побѣдить».

Голгоѣа — актъ «святой ненависти» въ смыслѣ святой брани,
скорбнаго отрицанія въ отношеніи къ «прокаженности» міра и
уже никакъ не актъ слащавой любви.

Христосъ въ Геѳсиманіи... Откуда этотъ кровавый потъ
на чель? Это боязнь смерти, предсмертная тоска? Нѣтъ, навстрѣчу
воинамъ выходитъ уже холодный и безстрастный.

Кровавый потъ выступилъ потому, что въ Геѳсиманіи
отиралъ прежній человѣкъ.
Здѣсь въ совѣсти Одного, *тяжкимъ порывомъ этой со-*
вершался судъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, надъ всѣмъ
прошлымъ, надъ законами его прежняго бытія, — и все это
прошлое было осуждено, проклято и уничтожено...
Представьте себѣ человѣка, который нечеловѣческимъ Боже-
ственнымъ сознаниемъ охватилъ всѣ язвы всѣхъ совѣстей,
всѣхъ людей, всю проказу міра. всю сумму зла, которую создалъ
человѣкъ, растлившій всю землю, «закономъ борьбы за жизнь,
закаловъ изъ-за падали», жизнь всего міра» (А. Ми-
хаилъ, «Еванг. мѣщанъ» 23 стр.)
Не могъ понять этой великой тайны французскій буржуа.
Для того, чтобы понять ее, нужно было имѣть въ своей душѣ
то сродное тому великому настроенію, какое пережилъ
Иисусъ въ Геѳсиманіи, а Ренанъ этого настроенія не имѣлъ.
Какая низость! Какая низость!
И вотъ Новый Человѣкъ на Голгоѣ. Человѣкъ Богъ въ
сближенности со всѣми людьми, духовной сращенности съ
всѣми — всю эту проказу чувствуетъ на себѣ.
Онъ видитъ, что съ ногъ до головы нѣтъ здороваго мѣста,
человѣкъ, который долженъ былъ идти къ Богу, стать Богомъ,
великимъ, сложнымъ, сталъ послѣднимъ, «морга-
ющимъ», даже не преступнымъ даже не злымъ, а
человѣкомъ, истлѣвшимъ «дочеловѣкомъ».
Помните, что пережить въ своей душѣ это осужденіе міра
человѣка была мука, предъ которой ничто всякая физическая
Голгоѣ.
Говоря словами Канта, это «самое болѣзненное изъ стра-
шней, болѣе страшное, чѣмъ муки дѣторожденія».
Человѣкъ отрицалъ прошлаго человѣка, отрывалъ по кускамъ
отъ сердца то, чѣмъ жилъ погибшій человѣкъ, чтобы поставить
на мѣсто его Новаго Человѣка.
Умиралъ человѣкъ вообще, чтобы стать Богомъ, какъ Этотъ
Единный Истинный Человѣкъ, сошедшій съ Неба.. Конечно, здѣсь
имѣемъ дѣло съ величайшей міровой трагедіей. Суть этой
трагедіи понятна людямъ глубокаго христіанскаго настроенія. Но
она не можетъ быть понятна человѣку, Христосъ котораго ду-
маютъ въ Геѳсиманіи о свѣтлыхъ источникахъ виноградныхъ
устахъ и т. п. мелочахъ» (А. Михаилъ, «Еванг. мѣщанъ»
25 стр.).

Послѣ всего сказаннаго Ренаномъ о такихъ великихъ ментахъ, какъ Геосиманія и Голгоа, какъ фальшиво заключительныя слова его книжки!

«Да будетъ вѣчная слава тебѣ, благородный наставникъ Твое дѣло окончено, и твоя божественность установлена. Отныне недосыгаемый для нападений брэннаго міра, нашедшій божественный покой, ты взираешь на безконечныя послѣдствія твоего дѣла. Цѣною нѣсколькихъ часовъ страданія, не коснувшійся даже твоей великой души, ты купилъ полное безсмертіе. Въ членіе тысячелѣтій міръ будетъ обновляемъ твоимъ имевшимъ Обличитель нашихъ противорѣчій, ты будешь знаменемъ, возвращающаго котораго произойдутъ самыя пламенныя битвы. Ими твое дѣло тысячу разъ болѣе могущественное и болѣе любимое послѣ твоей смерти, чѣмъ во дни твоего временнаго пребыванія на землѣ, будетъ для человѣчества краеугольнымъ камнемъ, истинно гнуть который было бы равносильно потрясенію основъ вселенной. *Между тобою и Богомъ не будетъ различія.* Владѣя побѣдивъ смерть, владѣй своимъ царствомъ, куда послѣдуютъ за тобою, по начертанному тобою царственному пути, безсмертныя ряды поклонниковъ!» (157 стр.)... «Выше Іисуса никого не будетъ. Іисуса никто не превзойдетъ. Культъ его будетъ обновляться и молодѣть вѣчно, *надъ его легендой будутъ проливать слезы* бои конца, его страданія всегда будутъ близки лучшимъ сердцамъ и во всѣ вѣка будутъ гласить, что между сынами человѣческими не рождалось никого болѣе великаго» (164 стр.).

Послѣ того, что говорилъ Ренанъ объ Іисусѣ раньше, эти слова его можно дѣйствительно назвать «поцѣлуемъ Іуды». Раньше онъ говорилъ о Христѣ, какъ соучастникѣ «невинныхъ обмановъ и хитростей», мечтателѣ и чуть-ли не психически расстроенномъ человѣкѣ, а сейчасъ называетъ Его величайшимъ изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ.

Теперь, какое-же можно сдѣлать общее заключеніе о ренановской «Жизни Іисуса?»

Вся его книга, начиная съ первой страницы и кончая послѣдней, страдаетъ недостаткомъ нравственной серьезности.

На недостатокъ нравственной серьезности Ренану указывали даже его пріятели. «Такъ Кокерель упрашивалъ Ренана самымъ дружественнымъ образомъ выбросить изъ книги по крайней мѣрѣ одну фразу о красотѣ Маріи. «Прекрасно, — говорилъ онъ Ренану; но что вы знаете объ этомъ? Евангеліе вѣдь писалъ и ничего не говоритъ о томъ, была ли красива или безобразна Магдалина и ея подруга? Дѣло идетъ не о красотѣ женъ — полюб-

Христа, а объ ихъ вѣрѣ. Онѣ оставались вѣрными Учителю, сопровождая Его до самой Голгофы,—я въ ихъ слава! Предоставьте живописцамъ и скульпторамъ даже идеальную красоту, но вы историкъ, во имя науки простого приличія должны говорить о нихъ серьезно и достоинствомъ.

Недостатокъ чистаго нравственнаго чувства въ книгѣ Ренана его критики объясняли тѣмъ, что ему нужна была не историческая правда, а лишь угожденіе вкусу извѣстнаго круга читателей и особенно читателей современныхъ французскихъ родовъ Гюго, изъ подражанія которому Ренанъ представилъ въ своей книгѣ мѣсто вѣянію «новѣйшаго парижскаго нравственною гнилью». (В. и Ц. 1904 г.).

То-же желаніе угодить вкусу толпы заставило его въ послѣднихъ изданіяхъ чуть-ли не на каждой страницѣ называть революціонеромъ и даже анархистомъ.

Съ негодованіемъ критики Ренана указали между прочимъ на то, что происхожденіе христіанства, заключающаго въ себѣ чистѣйшее и безупречное ученіе, онъ объясняетъ тѣмъ, что оно у язычниковъ заслуживало только осужденія и презрѣнія. — Ложью, вымысломъ, невѣжествомъ, даже безуміемъ и крайнею нервозностью * и другими болѣзненными явленіями. Для достиженія высшихъ цѣлей можно приять участие даже въ обманѣ и это, по мнѣнію Ренана, ничуть не предосудительно. Значитъ Ренанъ еще не вполне отбросилъ отъ приемовъ своей церкви и отъ казуистической школы, когда признаетъ, что цѣль оправдывается средствами.

Съ болью въ душѣ заканчиваю я свою статью о Ренанѣ. Много и много еще можно было бы говорить на эту тему, недостатокъ времени заставляеть меня ограничиться и этимъ: Ренана. Онъ надѣялся, что его книга будетъ цѣннымъ открытіемъ въ области науки, но глубоко ошибся. Онъ только увеличилъ количество уже существовавшихъ подобныхъ книгъ, заговѣка и ничего новаго никому не сказалъ, потому что ему въ святому и небесному онъ подошелъ съ коротенькой земной палочкой и подъ нее хотѣлъ подвести Великую Вѣчную Истину и потерпѣлъ фіаско. А если-бы онъ приблизился къ Божественному Духу съ такимъ страстнымъ желаніемъ знать истину, какъ Бома, о, тогда бы она открылась ему во всемъ дивномъ не-

бесномъ свѣтѣ и величіи и онъ палъ бы въ тренеть и умиленіи на землю и воскликнулъ бы: «Господь мой и Богъ мой!»
В. Ст—кій.

Благодарственный молебенъ.

19 іюня, по случаю спасенія св. лавры Почаевской отъ угрожавшей ей опасности со стороны революціонеровъ-бомбистовъ было совершено торжественное молебствіе съ акафистомъ Высшекопреосвященнымъ Архіепископомъ Антоніемъ, преосвященнымъ епископомъ Михеемъ, архимандритомъ Виталиемъ и прочимъ духовенствомъ въ семь часовъ вечера, въ Житомирской Брестской церкви.

На именинахъ.

(Разговоръ на современные темы).

17-ое марта. Семь часовъ вечера. Въ домъ головы города К. собралось масса гостей. Хозяинъ Алексѣй Павловичъ Перовъ славился на всю губернію своимъ гостепріимствомъ. Малообразованный, но умный, энергичный и большой практикъ въ коммерческихъ дѣлахъ, унаследовавшій отъ отца болѣе полумилліона мерческаго дѣла, дававшее ему чистаго дохода не одинъ десятокъ тысячъ.

Скупой въ обычной своей жизни и крайне требовательный къ себѣ, онъ любилъ показать свое гостепріимство и на него не жалѣлъ большихъ денегъ. Особенно торжественно онъ праздновалъ свои и женины именины. Въ эти дни къ нему собирались всѣ сливки общества города К., не исключая и праздношатающихся. На именинахъ Перова отсутствовалъ, но здѣсь было и поэтское во главѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ, и судейскіе и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ Перовъ стоялъ «почетнымъ блюстителемъ», и много чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, было нѣсколько военныхъ, были даже и студенты.

Послѣ чая молодежь устроила въ залѣ отъ нечего дѣлать танцы, старики сѣли за карты, но нашлась группа людей, которая не пристала ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а занялась серьезными разговорами и, конечно, на самыя современные темы.

Сначала разговоръ велся очень вяло, но скоро участники его пришли въ самое боевое настроеніе, когда обнаружилось, что спорять двѣ партіи — черносотенцы и «освободители».